

Константин Фрес

**МОЙ САМЫЙ
ЛЮБИМЫЙ ЛОСЬ**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф87

Ф87 **Фрес К.**
Мой самый любимый Лось / Константин Фрес – М.: Литнет, 2026. – 256 с.

ISBN 978-5-521-99329-1

Хорошие девочки не напиваются до потери всех чувств и не уходят с вечеринки с первым попавшимся красавчиком. Хорошие девочки не просыпаются поутру неизвестно где голышом, совершенно ничего не помня. Если вы так поступаете, у меня для вас новость: вы - очень плохая девочка. И у вчерашнего знакомого-красавчика насчет вас нет никаких заблуждений, он подцепил пьяную девицу чтобы развлечься. Что?! Не воспользовался?! Не тронул?! Кто приличная девушка в беспомощном состоянии?! Ну и олень ты, Лось...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99329-1

© Литнет, 2026
© К. Фрес, 2026

Глава 1. Анька

– Пить...

Голос, которому полагалось звучать нежно, жалобно, и вызывать в сердцах услышавших сочувствие, понимание и прощение, на самом деле здорово походил на утренний циничный хрип злого курильщика со стажем.

И потому Анька, расслышав свои завывания, облизнула пересохшие губы и от мысли приманить потенциального водоноса отказалась.

В голове взрывались бомбы, в рот нагадили кошки, а в мозгу кто-то безжалостный лабал тяжелый рок.

Особенно старался ударник; он так молотил в мозжечок, что при попытке подняться Анька почувствовала, как земля уходит из-под ее конечностей, и беспомощно завалилась на бок, как подстреленное животное.

«Лучше бы я умерла вчера», – проскулила Анька мысленно и снова нырнула под нагретое одеяло.

Совесть нещадно глодала мозг и гаденько усмехалась.

Анька не помнила, есть ли ей в чем раскаиваться, но раскаивалась во всем – на всякий случай.

И, самое обидное, она не помнила ничего.

Ну, абсолютно ничего.

То есть, конечно, кое-что она все же помнила.

Питер, клуб, веселый тусняк, Новый год – о, они ж всей компашкой встречали Новый год! – шампанское, потом много шампанского, а потом...

Дальше Анька вспоминала с трудом.

Кажется, она дошла до кондиции, и даже порция освежений не помогла.

Анька себя хорошо знала; стоило градусу стать критическим,

как веселье тотчас сменялось вселенской болью, слезы катились градом, и она всем и каждому рассказывала, что «ан-на-а-а уеха-а-а-ла, ы-ы-ы-ы!» и порывалась припасть собеседнику на грудь и облюбовать жилетку.

Анька тосковала по подруге, скоропалительно выскочившей замуж за испанца и укатившей в теплые края, поджаривать задницу под солнцем Андалусии до румяной корочки.

Более близкой подругой Анька за всю свою короткую жизнь не обзавелась, и в минуты алкогольного дзена тоска наваливалась на нее вместо просветления.

В этот раз все произошло точно по тому же сценарию, привычному и накатанному.

Анька наела, и уже совсем собиралась в номера, напоследок как следует, всласть, поплакав и высморкавшись в пару галстукот Версаче, как какой-то провокатор и козел – не иначе как его галстук пострадал больше всех, – решил излечить раненную Анькину душу (или отомстить, что более вероятно) путем жесточайшей дезинфекции спиртом.

Анька точно не могла сама, добровольно, влить в себя «Бехеровку» после шампанского.

Краешком ускользящей памяти она все же помнила, как отказывалась, как почти отбивалась от этого, в сопливом галстукоте, строя из себя благородную институтку и заверяя, что вовсе не умеет пить.

Но отец с воротилами – скучные кошельки с ушками! – растворился где-то на просторах заведения, и заступиться за Аньку было некому.

Анька пала.

И «бехеровка» полилась в ее плотку как расплавленный свинец – грешнику.

– Испанский стыд, – пропитым бомжацким голосом хрипела несчастная Анька из-под подушек, вспоминая свой жаркий танец на столе, разнузданное веселье и чьи-то невероятной красоты серые глаза напротив своих.

Правда, тут память точно могла ее подвести, ибо «Бехеровка» дала нехилый крен и шторм как у Айвазовского на полотнах, а также перекос в эстетическом восприятии.

Глаза могли быть на самом деле средней паршивости, но на тот момент Аньке показалось, что ничего красивее она в жизни своей не видела.

Она свалилась на колени к обладателю этих серых глаз, лицом к лицу. И, кажется, он вынужден был придержать ее за талию, не то Анька пала бы к его ногам, и отнюдь не от разбушевавшегося в ее душе восхищения. Хотя и от восхищения тоже.

С изумлением глядя незнакомому мужчине в невозмутимое, поистине арийское лицо, Анька подумала – вот бывают же на свете такие, хоть бы одного вживую увидеть.

То ли от одиночества, то ли от душевной широты, то ли благодаря винным парам, возносящим ее дух едва ли не на Парнас, Анька вдруг решила быть поэтичной и сделать комплимент мужчине, который, как ей почему-то показалось, заскучал.

– Милый, – прошептала она своим нежным, чистым голоском, игриво проведя наманикюренным пальчиком по небритой арийской щеке, – господи, тебя что, выгнали с Олимпа? Не переживай, это они от зависти, милый!

Ни один мускул не дрогнул на лице арийца, и Анька тотчас в нем разочаровалась.

«Бехеровка» зажигала в голове Аньки фестивальные огни и требовала всеобщей любви, а ариец был так неподвижен и холоден, что Анька почувствовала легкое протрезвление от его ледяного взгляда.

– Из Финляндии, – разомкнув свои каменно-твердые губы, произнес ариец. – Не с Олимпа – из Финляндии.

Финнов – даже красивых, – Анька за их неторопливость и общую моральную скучность не любила, и это сию минуту выписалось на ее лице. Улыбка сползла с него, сменившись гримасой откровенного ужаса, и Анька рванула с его колен с бесхитростным «ну

нахер!» с такой скоростью, будто упомянутый финн пытался взять ее в плен и расстрелять по приказу Вермахта.

Но впереди ее ждал мерзавец с «Бехеровкой» наперевес, и выбор был невелик: либо красивый, но финн, либо веселый, но дьявол. И Анька, рассудив довольно трезво для мертвецки пьяной, выбрала финна.

– Изыди! – рявкнула она весельчаку с «Бехеровкой».

Выпад в его сторону был такой яростный, что она не удержалась на ногах, упала обратно на колени к финну, и тот снова вынужден был ее крепко держать, чтобы Анька не скатилась на пол.

Томно обнимая его за шею, преданно глядя ему в глаза, Анька прощebetала жалобно и умоляюще:

– Спаси меня, северный олень, а? А я тебе б ребеночка родила... уно, уно, уно, ун моменто-о-о-о...

А дальше в памяти Аньки был огромный провал.

Огромный-огромный и черный.

Она абсолютно ничего не помнила ни о том, как покинула гостеприимное заведение, ни о том, с кем она его покинула.

Ни куда она его покинула.

Мыслей о том, где она находится, не было никаких абсолютно.

Номер в гостинице? Городская хата знакомых?

– Где я, кто я, – стонала страдальца, насилу продрав глаза.

Под щекой Анька ощущала горячий мех, то ли длинношерстная овчина, то ли еще что-то.

«Я не скорняк, я в шкурах не разбираюсь!» – сварливо подумала Анька, оправдывая свою некомпетентность в этом вопросе неизвестно перед кем.

Вокруг нее лежали подушки – много подушек. И укрыта она была не одеялом, а шерстяным пледом, под которым было ужасно жарко.

Пока Анька сопела в пушистый мех, подлая память издевательски подсунула еще кусок воспоминаний: вот она, Анька, стоит кверху задницей на коленях, а голова ее блаженно лежит на этом самом меху.

– Анья, пойдем, я уложу тебя в постель! – бубнит над головой чей-то нудный голос.

Но Анька злобно мычит, вцепляется в мех зубами и руками, и, нетрезво покачивая задницей, пытается ногой лягнуть призывающего к порядку.

– Анья!

Кто-то пытается поднять ее, но Анька намертво приклеилась к чертовой шкуре, и в постель ее можно уложить только с этим половиком.

– Отстань от меня! – мычит Анька, когда неизвестный, устав сражаться с внезапно вспыхнувшей Анькиной любовью к половнику, уложил ее на место. – Мишка хо-ороший, я мишку люблю... Иди отсюда, убийца мишек...

– Ой, стыдоба-а-а, – стонала Анька сейчас, вспоминая весь этот разврат, наворачивая на голову шерстяной плед и обещая высшим силам сшить себе из него паранджу. – Пьянка – зло... простите меня, люди добрые...

– Ты уже проснулась, Анья? Как ты себя чувствуешь?

Возящаяся, как крот в ведре с землей, Анька на миг затихла, переваривая услышанное.

Голос свыше – чересчур спокойный, безэмоциональный, – наваял ей какие-то неприятные ассоциации.

– Ты кто, – замогильным голосом произнесла Анька, и ее жопка сама собой поднялась, словно кобра на игру заклинателя змей, так же нетрезво покачиваясь, как вчера. – Я тебя не знаю.

– Я твой северный олень, – вымороженным до сухого остатка, будничным и мертвенно-спокойным голосом произнес неизвестный. – Я тебя спас, а ты обещала мне детей. Свои обязательства я выполнил.

Анька затихла, как крот под лопатой – а затем резко уселась торчком, потирая глаза.

Огромная роскошная комната, в которой себя обнаружила Анька, была залита ярким дневным светом.

Во всю стену, наверное, во все шесть метров было панорамное окно, за которым был балкон, припорошенный снежком – и захватывающий дух вид, мороз и солнце, как говорится.

Снег сверкал нетронутой белизной до самого горизонта, до ослепительно-синего неба, и ветви сосен, чуть покачивающиеся на ветру, выглядели на этом потрясающем фоне ярко и как-то празднично, что ли.

Слева от Аньки, окопавшейся в подушках, была огромная, как теннисный корт, кровать – Анька пала всего в шаге от нее, не дотянула совсем чуток.

Над ней, закрывая свет, неподвижно, как статуя Ленина в парке, замер тот самый красивый финн, молча протягивающий ей стакан с прозрачной, вкуснейшей, чистейшей водой.

На дне стакана, распадаясь на пузырьки, шипела таблетка аспирина.

Жажда была так сильна, что Анька сначала подскочила, требовательно протягивая руки к живительной влаге, а уж потом сообразила, что, во-первых, она голая, а во-вторых – красивый финн, обладатель серых гипнотических глаз, просто чудовищно огромен.

Жадно глотая воду, Анька приплясывала от стыда и тихого офигения.

Красивый финн был не просто высокий – он был мощный, огромный, как шкаф с антресолями. Большая светлая комната в его присутствии казалась маленькой и тесной.

Голова финна почти упиралась в потолок.

Какая-то домашняя белая толстовка, обтягивающая его мощную грудь, широкие плечи и огромные бицепсы, выглядела как распашонка на Терминаторе, и Анька невольно сравнила мужчину с аккуратно зачехленным танком.

И вместе с этим финн был очень красив.

Анька вспомнила свое вчерашнее почти детское восхищение, желание увидеть живьем, потрогать такого красавца – и ее бесхитростная новогодняя мечта сбылась.

«Вот это лось!.. Интересно, – размышляла потрясенная Анька, возвращаясь к жизни и нахально, не тушуясь, глядя в истинно арийское лицо красивого финна, – а у него все такое большое? Или открываешь створки шкафа, ожидая Нарнию, а тебе – бряк-с! – выпадает маленький ключик на веревочке... И вот еще вопрос: если я без трусов, но спала на полу, было у нас чего или нет?»

– У нас ничего не было, – предвосхищая ее вопрос, таким же отмороженным голосом произнес красивый финн, поблескивая своими ледяными серыми глазами. – Я не смог бы воспользоваться доверчивой приличной девушкой в беспомощном состоянии.

«Приличная девушка!.. Странные у него представления о приличиях. Интересно, неприличные тогда какие?»

– А одежда?..

– Я раздел тебя, Анья, – спокойно подтвердил Лось, все так же угрожающе нависая над голой Анькой. Странно, но он разглядывал ее, и на лице его не выписывалось никаких эмоций вообще. Словно ее нагота его не волновала совсем. – В вечернем платье, в туфлях спать неудобно.

Анька насмешливо фыркнула, скрывая свое смущение.

– Трусы мог бы и оставить.

– Трусы ты сама сняла, – невозмутимо парировал финн. – Ты кинула их в меня, подзывая к себе, на пол.

«Японский городской! – подумала она, подавляя острое желание ухватиться за голову. – Не смог воспользоваться... ну и олень ты, Лось! Второго шанса у тебя не будет. Похоже, ключик-то с веревочки сорвало. Или вообще... он по мальчикам. Тогда какого черта он меня к себе приволок? Не, ты глянь, ты глянь! Этот парнокопытный рыцарь щас еще и на колено передо мной бухнется. Будет

землетрясение и цунами смоем японские острова... Доверчивая приличная девушка в зюзю...»

Но вместо этой язвительной тирады Анька внезапно севшим голосом пискнула:

– Мне бы в душ...